

Мы были настолько поглощены репетициями, что последующие две недели пронеслись в мгновение ока, и вскоре наступил конец мая. Кожа на кончиках моих пальцев стала грубая, как сухая земля. Струны бас-гитары намного толще, чем у обычной, и мозоли на моих пальцах немного в другом месте, нежели у Кагуразаки-сэмпай.

— Теперь ты больше похож на басиста.

Сэмпай громко засмеялась, когда кончики наших пальцев соприкоснулись, как в сцене с пришельцем из фильма «Инопланетянин». Однако мозоли немного притупили моё чувство осязания — это создавало некоторые неудобства, когда я работал с мелкими деталями.

Все же, перед поединком с Мафую я должен применить свое увлечение техникой кое-где еще.

В последний четверг мая, после занятий, я побежал напрямик во внутренний дворик. Чиаки пыталась любым способом остановить Мафую, хотя, даже при самом оптимистичном раскладе, она могла задержать её максимум минут на двадцать. Придётся выиграть эту битву с помощью скорости. Я начал с того, что взломал замок — это заняло у меня меньше минуты. Затем я, как обычно, слегка повернул ручку двери и вошел в кабинет. Претворяя в жизнь отрывок из множества выдуманных мною прежде сценариев, я достал из сумки инструменты и провода и начал проделывать манипуляции над усилителем. После того, как я за несколько секунд снял заднюю панель устройства, над которым работал не раз, передо мной предстало его содержимое во всём великолепии. Перепать схему не составило труда — большая часть времени ушла, чтобы спрятать теперь уже удлинённый провод.

После того как всё было готово, я закрыл замок и только было собрался вернуться в главное здание, как на углу нечаянно влетел в Мафую.

Мы оба просто замерли бездвижно. Ни я, ни она не смотрели друг на друга.

С того дня мы почти не разговаривали. Из-за этого парни в классе жаловались, что их единственный источник информации о Принцессе оказался заблокирован. Но никто из них не знал конкретную причину.

Только я хотел пройти мимо неё, Мафую заговорила:

— Ты... уже сдался?

— Э?..

— Бас-гитара. Ты раньше играл на ней, на крыше.

— Я всё ещё играю на ней. Только тренируюсь я на крыше северного здания, потому что не хочу мешать кое-кому с невероятно хорошим слухом.

— Врун. Я там тоже искала — тебя не было.

Я действительно солгал. В последнее время я посещал магазин музыкальных инструментов Нагасимы, для того чтобы знакомый басист сэмпай обучал меня. Не хотелось бы, чтоб она узнала о моих лихорадочных тренировках, и поэтому я соврал.

— Говоришь, искала меня? Что ты имеешь в виду?

— А, это... не обращай внимания, ничего особенного. Я просто немного беспокоюсь.

Голос Мафую стал ещё более тревожным, и она несколько раз помотала головой.

— Я просто подумала... вспоминаешь ли ты всё ещё о том, что тогда произошло?

Я оторопело посмотрел на неё. Казалось, Мафую трудно говорить; её взгляд был сосредоточен на собственных пальцах.

— Пожалуйста, забудь об этом. Со мной всё в порядке, тебе не о чем беспокоиться.

«Пожалуйста, забудь об этом». Я слышал это от Мафую бесчисленное количество раз.

Я почувствовал, как во мне закипает злость. Наверное, просто прямо скажу ей, что думаю по этому поводу.

— Слушай, за что ты принимаешь человеческий мозг? Это тебе не какой-нибудь жесткий диск. Думаешь, достаточно произнести: «Удалить воспоминание», — а я такой: «А, вот так?» — и всё забуду?

Глаза Мафую расширились, и она сделала шаг назад.

— Я ничего не забыл, и на самом деле помню всё очень четко. Ты сказала: «Ты думаешь, что сможешь угнаться за мной, играя на бас-гитаре?» Давай устроим поединок завтра после школы.

— Что ещё за поединок?

— Поединок между нашими гитарами, вот что. Если моя игра продержится наравне с твоей до самого конца по качеству исполнения, то тогда я одержу победу. Если я выиграю, то смогу пользоваться той комнатой. Если проиграю — я больше никогда не приближусь к тебе.

— Ты это... серьёзно?

— Конечно!

Больше я ничего не сказал, и просто прошёл мимо Мафую.

Если честно, я ничуть не уверен, что одержу победу. Но Кагуразака-сэмпай ведь говорила, что сделает так, чтобы я выиграл — не «я выиграю», а «она позаботится о том, чтобы я не проиграл».

Человек, готовый использовать любые способы, чтобы заполучить то, что хочет — по спине пробежал холодок от осознания, что лишь этих слов из её уст было достаточно, чтобы наполнить меня такой решительностью. Скорей всего, она единственная, на кого я сейчас могу рассчитывать.

— Молодой человек, ты научился довольно ловко манипулировать словами.

Когда я поднялся на крышу, сэмпай сказала мне это. Похоже, она наблюдала за нами через ограждение.

— Я и вправду не могу поверить, что ты был тем прирожденным неудачником три недели назад.

— Не называй меня неудачником!

Я отвел взгляд от Кагуразаки. Не знаю почему, но с того дня я начал смущаться каждый раз, когда смотрел прямо на неё.

— Если задуматься, то я всё равно ничего не теряю от этого поединка. Изначально я всё равно не мог пользоваться той комнатой, так что если проиграю — ничего страшного. Это прямо как твоя игра в «Камень-ножницы-бумагу».

Причиной такого рода странного мышления отчасти являлась самоирония. Но сэмпай села рядом со мной, обняв бас-гитару, и на её лице растянулась довольная улыбка.

— Значит, ты всё ещё помнишь, что я сделала тогда.

Я посмотрел на профиль лица сэмпай и, наклонив голову на бок, кивнул. В тот раз она предложила сыграть, зажав между указательным и средним пальцами медиатор. Увидев его, я решил, что она пытается одурачить меня, чтобы казалось, что она не сможет показать ножницы, так что я, долго не думая, с кашей в голове, выкинул камень, и в итоге проиграл. Но сэмпай громко засмеялась и сказала:

— На самом деле, я не пыталась предугадать твои мысли и использовать их против тебя. Даже

если бы я так поступила, это бы не увеличило мои шансы выиграть в такой простой игре. В чём, думаешь, заключается стопроцентный способ выиграть в «Камень-ножницы-бумага»?

— Э?

Значит, у сэмпай был беспроегрышный способ?

— Это просто. Выкидывай последним.

— А?

— На самом деле, не было особой причины, по которой я держала медиатор, кроме как запутать тебя. Вот и всё. Хорошенько запомни: беспроегрышный способ — это выкинуть последним.

Я потерял дар речи, и просто смотрел на торжествующее лицо сэмпай. Затем я глубоко вздохнул. Это невозможно. С самого начала у меня не было шансов выиграть против такого человека, как она.

— Всегда считалось, что сражения выигрываются задолго до того, как они начинаются. А значит, самое важное — это то, как заманить противника на свою территорию. Ах да, ты знаешь почему я выбрала именно эту композицию для вашего поединка с Мафую? Я расскажу тебе.

С этими словами, Кагуразаки вынула из файла ноты и разложила их перед нами. Затем она произнесла:

— Я выбрала её по четырём причинам.

«Так бы и сказала с самого начала!» — на секунду промелькнуло у меня в голове. Последние несколько дней, во время репетиций, я-то всё думал: почему это произведение? Однако, выслушав долгое объяснение сэмпай, я смог только вздохнуть в ответ.

— Значит, ты постепенно начинаешь верить, что у тебя есть шанс выиграть?

— М-м-м... немного.

Я ответил честно. Вероятность того, что я выиграю, увеличилась вдвое — теперь уже целых 0,2%! Вот как я себя сейчас чувствую. Смеясь, сэмпай толкнула меня плечом.

— Этого достаточно! Только тебе будет известно, как развернется ваша битва. Я могу

предсказать только результаты своих сражений, и не буду принимать участие в вашем поединке.

— Если бы ты заняла моё место, то выиграла бы... Ты это хочешь сказать? — слабо спросил я.

Сэмпай чуть зло ответила:

— Смогу ли я выиграть?

Я изумленно посмотрел на неё.

— Я же уже говорила, хм? Это должен сделать ты.

Мне нечего было ответить, и я опустил голову.

Вдруг сэмпай вытащила лист бумаги и сунула его мне под нос.

— Ну, что ж, на этом наша подготовка закончена. Сначала подпиши вот это, чтобы собраться с мыслями. Этот экземпляр для Эбисавы Мафую.

Я поднял голову, чтобы посмотреть. Это была заявка для вступления в кружок, распечатанная на дешевой бумаге. В двух экземплярах. В графе с названием на обоих листах ручкой аккуратно было вписано: «Кружок изучения народной музыки».

Я отвел взгляд и попытался сменить тему.

— Эм... думаю, я просто... пока оставлю их у себя.

— Почему? Я уже столькому научила тебя. Неужели... ты меня ненавидишь? Так в этом все дело?

Пожалуйста, не смотри на меня с таким жалостным видом. И ежу понятно, что ты притворяешься.

— М-м-м, как бы это сказать...

Я убрал бас-гитару с колен.

— Мне кажется, я не подхожу. Стандарты у тебя и Чиаки слишком высоки для меня.

— Я уже раньше говорила, разве нет? Я не прошу тебя следовать за нами. Это мы должны следовать за тобой.

Потому что бас-гитара — это сердце. Знаю, но всё же...

— Мне просто никак не решить, вступать в кружок или нет. По крайней мере, сейчас. Поэтому...

Я поднял бас-гитару и уставился на струны.

— Поэтому, если я сумею выиграть у Мафую и заставлю её вступить в кружок...

— Если ты победишь её, ты тоже к нам присоединишься?

Я кивнул.

Если бы я согласился на других условиях, то точно пожалел бы об этом. Почему-то такое ощущение, что у меня нет права голоса ни в чём из того, что было мне уготовано.

— Тогда... что ты будешь делать, если проиграешь? — от вопроса сэмпай, у меня перехватило дыхание. Я никогда не задумывался об этом.

Однако мне всё равно надо принять решение прямо сейчас.

— Если я проиграю, то всё равно буду играть на бас-гитаре. Но в кружок я не вступлю. Ты и так сделала для меня слишком много, так что я не могу сказать что-то типа: «Пожалуйста, позволь мне вступить в кружок, даже если я проиграю».

После недолгого молчания я услышал тихий вздох.

— Я только недавно поняла, что ты человек с очень развитым чувством собственного достоинства.

Кагуразака нежно улыбнулась. Я уже почти не мог открыть глаза, но всё же на мгновение посмотрел на неё и тут же отвел взгляд.

— Будем считать — это обещание на день, до которого ещё далеко. Да, так и поступим.

Сэмпай достала из моей сумки отвертку (без спроса) и открутила заднюю панель бас-гитары. Она в несколько раз сложила обе заявки и засунула их в свободное место между проводкой. Затем она прикрутила панель обратно.

— Зачем ты туда их положила?

— Послушай. Должен быть чуть слышен звук шелестящей бумаги.

Я снова положил бас-гитару на колени. Сэмпай провела рукой по струнам. Звук шелестящей бумаги?

— Не-а, я ничего не слышу.

— А я слышу! — у тебя уши, как у кошки. — И, может быть, Эбисава Мафую тоже услышит. Она ведь чувствительна к звуку шелестящей бумаги, да? Может, эти еле заметные звуки подсознательно заставят её беспокоиться и стать раздраженной.

За этими действиями скрывалась такая логика?

— Если пойти ещё дальше — это своего рода заклинание. Точно так же, как самураи вшивали в одежду защитные амулеты.

Сэмпай похлопала по бас-гитаре.

— Твоё обещание всегда будет с тобой. Так что не забудь.

На секунду замешкавшись, я кивнул.

— Желаю тебе удачи.

По пути домой я случайно встретил Маки-сэнсэй. Зайдя в автобус, она спросила:

— Похоже, ты в последнее время часто болтаешь с Мафую?

Схватившись за поручень, я поёжился. Повезло же наткнуться на проблематичного человека.

— Нет, нельзя назвать это болтовней.

— Просто скажи ей прямо, что будешь рад делить с ней тот кабинет. Почему всё мальчишки такие эксцентричные?

Думаете, я могу сказать такие слова Мафую? Я? Ей?

— И ещё — чем ты был занят в последнее время? Кажется, ты довольно часто общаешься с Кагуразакой, да?

— Ну, это...

Она взяла меня за шиворот своей мертвой хваткой, и мне ничего не оставалось, кроме как рассказать ей правду.

— Поединок на гитарах?

Маки-сэнсэй неожиданно издала странный звук, чем привлекла внимание остальных пассажиров.

— Что мне думать? То, что ты глупый или то, что ты похож на Кагуразаку?...

Высказав свои мысли, Маки-сэнсэй вздохнула. Кагуразака-сэмпай так знаменита и среди учителей? Она не ходит на уроки — так, может быть, она, как говорят, «проблемная ученица»?

— И Мафую сказала, что согласна на это предложение? Это же невозможно.

— Нет, она просто была поражена.

— Да, вот это больше похоже на неё! И что ты собираешься делать? Ты действительно этого хочешь?

— Тому есть много причин. Ради этого я приложу все усилия, — неоднозначно ответил я.

Конечно, я ни за что не мог рассказать Маки-сэнсэй обо всём, что мы сделали, чтобы Мафую участвовала в состязании.

Учительница на мгновение нахмурила свои красивые брови и уперлась пальцем в висок.

— Слушай... я очень благодарна тебе за то, что ты общаешься с Мафую, но не слишком провоцируй её. Она очень ранимая.

— Понятно...

Хотя она и сказала это, я почему-то не мог не разозлиться на то, что она попросила меня быть помягче с Мафую. Эта девчонка наговорила мне много гадостей, знаете ли.

— М-м-м... — Маки-сэнсэй скрестила руки на груди, и по её лицу было видно, что она не знала, что сказать. — Я думаю, большинство проблем вызвано каким-то психологическим конфликтом. Поэтому...

— О чём вы? Что это за «психологический конфликт»?

Маки-сэнсэй смотрела на меня, не говоря ни слова. Затем, хриплым голосом пробормотала: «Нао, наверное, можно об этом знать...» Но она сразу же замотала головой, так и не закончив мысль.

— Я не могу тебе рассказать. Будет лучше, если Мафую сама об этом расскажет.

Психологический конфликт. Я вспомнил то, когда Мафую крепко держала пакет с лекарствами.

Так значит, Мафую больна? С виду вроде не скажешь, но что, если...

— Эм, Маки-сэнсэй... — я вспомнил, о кое-чём другом, и решил спросить ее об этом. — Мафую... Я слышал, она скоро переведется из нашей школы. Это правда?

— Переведется? Почему?

— А, нет, ничего...

Она исчезнет в июне. Тогда... что это значит на самом деле? Я промолчал и снова погрузился в свои мысли. В любом случае, Мафую мне ничего не говорила.

— Поединок на гитарах, значит... Вот это молодость! Но может это и к лучшему.

Маки-сэнсэй улыбнулась, глядя вдаль.

— И Мафую не намеревается с кем-либо дружить. Может, с моей стороны неблагоприятно так поступать, но если она вступит в кружок — это пойдет ей на благо. Тогда я могу быть куратором кружка!

— Так вы думаете... я смогу выиграть?

— Нет, вовсе нет, — моментально отозвалась Маки-сэнсэй.

Сильно схватившись за поручень, я с грустью опустил голову.

— Но, я слышала, она начала играть на гитаре всего полгода назад.

— Вы серьезно?

Она смогла достигнуть такого мастерства за полгода? Бог очень несправедлив.

— Всё равно, каждый через это проходит, разве нет? Есть случаи, когда просто приходится делать то, что необходимо. Всего хорошего, мой мальчик. Если ты заставишь Мафую плакать, это так легко не сойдет тебе с рук.

С этими словами, Маки-сэнсэй сильно хлопнула меня по спине.

Той ночью Тэцуро не было дома. Он прислал на телефон короткое сообщение: «Я пошёл выпить с другом, так, что этой ночью меня, скорее всего, не будет дома». Хотелось бы узнать у него ещё о Мафую, но его никогда нет рядом в самое нужное время.

Я вернулся в свою комнату и сел на кровать. Положив бас-гитару себе на колени, невольно начал водить рукой по струнам. Потом я понял, что играю тот концерт для фортепиано.

Это то произведение, которое играла Мафую в тот день на свалке, когда мы впервые встретились.

Я зашёл в комнату Тэцуро и начал собирать диски различных концертов для фортепиано эпохи позднего романтизма, а затем понёс их в гостиную. Я провёл всю ночь, без конца слушая все эти диски, и даже пропустил ужин. Однако я не смог найти ту композицию. Но это совсем неудивительно, ведь концертов для фортепиано несколько тысяч.

Я выключил звуковую систему, прекратив поиски.

Я неожиданно вспомнил своё заявление Мафую, когда настраивал бас-гитару: «Если я проиграю, то никогда больше к тебе не приближусь». Эта фраза внезапно возникла у меня в голове, но блин. Что за бред я нес? Я имел в виду, что никогда больше не приближусь к той комнате, и что я никогда не приближусь к Мафую, ведь так? Но раз мы сидим рядом друг с другом, не получится совсем не приближаться к ней. Я всё пытался дать объяснение какому-то незнакомому человеку у себя в голове.

Думал: «Что будет, если я проиграю?»

Повод для общения с Мафую исчезнет, да?

И я же сказал, что если проиграю, то не вступлю в кружок изучения народной музыки. Потому что мне не хватает уверенности, чтобы создать группу с сэмпай и Чиаки.

Я вспомнил песню, которую мы играли в комнате звукозаписи — Kashmir. Это было настолько замечательно сладко, что захватывало дыхание, и было такое чувство, будто моё тело всё в огне.

Нечего терять — какая же это была невероятно огромная ложь.

Вокруг меня было много вещей, которые я мог потерять. Вещи, которые я не хочу терять.

Если они исчезнут...

Я замотал головой и выкинул эту мысль из головы. Думать обо всём этом сейчас бессмысленно.

Завтра я могу только выложиться по полной и дать жару!

<http://tl.rulate.ru/book/23394/498005>